

чайно Богоматерь изображена значительно крупнее всех остальных фигур сцены, не исключая и фигуры Премудрости.

В вологовской фреске прежде всего обращает на себя внимание необычный для этой композиции женственный образ Премудрости. Кого понимал художник под этой фигурой? Во всех остальных приведенных мною памятниках аналогичная фигура представляет собою юный тип, абстрактный по отношению к каким-либо определениям мужского или женского начала. Вместе с тем, фигура Премудрости на вологовской фреске не может быть поставлена в один ряд с аллегорическими олицетворениями, украшающими под этим названием некоторые византийские иллюстрированные рукописи. Это не олицетворение и не аллегория. Звездчатый нимб вокруг головы Премудрости вологовской фрески с неоспоримой ясностью свидетельствует об ипостасности этого образа.

Правомерно поставить вопрос: почему именно в Новгороде и именно в XIV в. появилась такая композиция, как «Премудрость созда себе дом»? Какие исторические акты обусловили ее появление и какие идейные течения легли в ее основу?

В исследовательских сочинениях о Новгороде прекрасно охарактеризован политический строй этого уникального в истории России города — «города-государства», очень четко выявлено экономическое и социальное положение классов новгородского общества с их классовой борьбой, так ярко описанной в новгородских летописях, наконец с почти документальной точностью рассказана история новгородской республики, ее строительства, но чрезвычайно мало уделено внимания идейной жизни новгородцев. «Культурная жизнь древнего Новгорода до сих пор мало изучена», — говорит М. В. Алпатов.¹² Во что верил, как мыслил новгородский человек, каково было его мировоззрение и внутренний облик — что мы знаем об этом?

Древнего новгородца обычно рисуют как человека делового, энергичного, в высшей степени независимого и свободолюбивого, подчас своевольного и непокорного, склонного к широкому размаху в практической деятельности (новгородские ушкуйники, былинные Садко, Васька Буслаев), но малоспособного углубляться в тонкости отвлеченных вопросов. В последнем сходится большинство исследователей. Говоря о «теплой задушевности новгородской религиозности», В. Н. Лазарев замечает, что «эта религиозность выдается своим трезвым, абсолютно не метафизическим духом».¹³ Характеризуя новгородскую среду, в которую попал Феофан Грек после византийского общества, В. Н. Лазарев снова повторяет, что «новгородцы ... должны были поразить его своей деловитостью, своим трезвым и ясным образом мышления, своим полным равнодушием к отвлеченным теологическим проблемам».¹⁴ Н. Г. Порфиридов также указывает на деловой склад характера и культуры новгородцев, «никогда не отличавшихся склонностью к богословско-философским абстракциям».¹⁵

И тем не менее именно в этом деловом, практическом, чрезвычайно преданном житейским интересам городе нашла глубокое жизненное применение одна из величайших философско-символических идей — идея Софии — Премудрости божией. Насколько тесно была связана жизнь древнего новгородца с этой идеей, показывают многочисленные молит-

¹² М. В. Алпатов. Фрески храма Успения на Вологовом поле. — Сб. «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР», М.—Л., 1948, стр. 112.

¹³ В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 10.

¹⁴ В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа. М., 1961, стр. 36.

¹⁵ Н. Г. Порфиридов. Древний Новгород. М.—Л., 1947, стр. 171.